

ФИЛОЛОГИЯ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2016), 348–354
© The Author(s) 2016

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2016), 348–354
©Автор(ы) 2016

ЦИЦЕРОН И МАРК АНТОНИЙ В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИАЛОГЕ Ф. ТЮТЧЕВА И В. БРЮСОВА: СПОР О БЛАЖЕНСТВЕ

Т.Е. Абрамзон

*Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск,
ate71@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена проблеме диалогичности и интертекстуальности литературы, рассматриваемой в рамках частного сопоставительного анализа двух знаковых стихотворений русской поэзии – «Цицерона» (1830) Ф. Тютчева и «Антония» (1905) В. Брюсова.

Тютчевское мироощущение поворотных исторических событий, драматичных «гражданских бурь» во времена падения римской республики оказалось созвучно мироощущению русских поэтов начала XX века, предвидевших и остро переживавших ужас и величие грядущих перемен. Особенно востребованной была концепция «рокового блаженства», которое, по Тютчеву, смертный может испытать только в момент поворотных событий истории, будучи «зрителем» «высоких зрелищ».

Автор статьи доказывает, что брюсовское стихотворение «Антоний» имеет вполне определенные поэтологические скрепы с тютчевским «Цицероном»: в их числе ключевая формула стихотворений «Блажен, кто...», которая выводит текст на уровень философского обобщения. Брюсов вступает в диалог с классиком и воспекает иной вариант «рокового блаженства»: он выдвигает на первый план Любовь как единственный, достойный смертельной жертвы предмет.

Ключевые слова: Цицерон, Тютчев, Марк Антоний, Брюсов, диалогизм, интертекстуальность, концепции «рокового» блаженства

Абрамзон Татьяна Евгеньевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой литературы Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова.
E-mail: ate71@mail.ru

Два стихотворения, о которых пойдет речь в данной статье, не единожды становились предметом исследований: знаменитый и часто цитируемый «Цицерон» (начало 1830-х) Ф. Тютчева¹ и не менее известный «Антоний» (1905) В. Брюсова². Однако нам не встречались ни указания на интертекстуальные связи этих двух стихотворений, ни сопоставительный их анализ. Кроме установления диалогических отношений тютчевского и брюсовского стихотворений, они интересуют нас и как эпизод многовековой истории в поиске блаженства и счастья на земле, отраженной в русской поэзии XVIII–XX вв.

Прежде всего, отметим актуальность тютчевского творчества и, в частности, интересующего нас стихотворения «Цицерон» для русских поэтов рубежа XIX–XX веков. Время написания брюсовского стихотворения – 1905 год, время, когда «Цицерон» с его революционным пафосом и особым чувством переживания роковых событий оказался созвучен историческим ритмам России начала века, воплотил в себе страшную и величественную красоту грядущих перемен, трагическое переживание слома эпох, особенно остро воспринимаемого поэтами. Приведем несколько примеров.

Брюсов в эссе «Наши дни» (1903) характеризовал современность следующим образом: «Наши дни – исключительные дни, одни из замечательнейших в истории. Надо уметь ценить их. Неожиданные и дивные возможности открываются человечеству. <...> В прошлом уже бывали эпохи, подобные нашей. <...> более жадно должны мы всматриваться в современность. В ней бьется в первых содроганиях то, что в полноте и совершенстве развернется через столетия. <...> мы можем подсмотреть, угадать ту жизнь, участвовать в которой нам не дано.

Не об этом ли говорит Тютчев:

*Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые <...>*³.

Отсылка к тютчевскому определению «рокового» счастья неслучайна. Двадцатью годами позже в революционном 1905 году А. Блок проведет параллель между александрийской эпохой и современной ему Россией, также процитировав вторую часть тютчевского стихотворения («Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые...»). Спустя почти десяток лет ощущение фаталистичности происходящего не покидает русских поэтов: Брюсов заимствует из того же тютчевского произведения стих-образ «Высоких зрелищ зритель» для заглавия сборника своих стихов 1914 года и использует в качестве эпиграфа знаменитые четыре строки о роковом блаженстве.

Именно творчество Тютчева отзывается понятными смыслами и звуками в среде символистов, один из которых пишет: «Нам лирика Тютчева должна быть особенно внятна: он, как бы предвосхитил все наши мечтания, наши томления, наш сокровенный мир. Тютчев принадлежит истории, но прежде всего он принадлежит нам – людям XX века. Открытия, которые сделаны теперь в области эстетики – все то, что мы разумеем теперь под словом символизм – все это было основной темой Тютчева. Он был первым русским символистом»⁴. Именно по-

¹ Толстогузов 2004, 99–107.

² Гиршман 2007, 223–235; Гаспаров 1997, 33–38.

³ Брюсов 2014/6, 365–366.

⁴ Чулков 1912, 9.

этам рубежа веков принадлежит «главная заслуга популяризации Тютчева и приобщения его в читательском сознании к числу величайших лириков не только в пределах русской литературы»⁵.

Торжественность тютчевского переживания рокового времени, одновременно ужасного и прекрасного, отлитая в философски глубокую и изящно отточенную форму, отвечала эмоциональному строю начала XX века, революционного, кровавого, бурного. Тютчевского «Цицерона» часто цитируют, строками из него иллюстрируют собственные тезисы, на него ориентируются, в нем находят созвучия, позволяющие примирить величественность и ужас совершающихся перемен. Однако литература как «эстетика противопоставления» не допускает прямого наследования, и вослед (или в ответ) тютчевскому «Цицерону» Брюсов пишет «Антония».

Герои тютчевского и брюсовского стихотворений – Марк Туллий Цицерон, оратор, и Марк Антоний, триумвир, – знаковые фигуры римской истории, сыгравшие важную роль на излете римской республики. Не вдаваясь в подробности взаимоотношений этих деятелей, отметим, что антагонисты по политическим взглядам, долгое время прятанные за лицемерно пристойным общением непримиримую вражду⁶, с марта 44 года до н.э. вступили в открытый конфликт, принявший «характер смертельной схватки»⁷. Два идеологических противника, подогреваемых ещё и личной неприязнью, будут обвинять друг друга в развязывании гражданской войны 49 г. до н.э.⁸, Антоний к тому же будет вменять Цицерону в вину участие в заговоре против Цезаря, а Цицерон в свою очередь обрушится со всем праведным гневом и ораторским талантом на порочного Антония в «Филиппиках»⁹. Общеизвестно, что противостояние заклятых врагов закончилось убийством Цицерона по приказу Антония. По свидетельству Аппиана Александрийского, ненависть Антония не остыла и после смерти Цицерона: «Говорят, что за обеденным столом Антоний голову Цицерона ставил на стол, пока не насытился этим отвратительным зрелищем. Так погиб Цицерон, муж, прославляемый за свое красноречие и до сих пор, оказывавший отечеству величайшие услуги во время своего консульства, а теперь он после смерти подвергнулся глумлению»¹⁰. От трагических событий тех дней вернемся стихотворениям русских поэтов.

Имена римских деятелей-противников в заглавиях двух стихотворений образуют поэтический диптих, поддерживаемый историческими реалиями, хорошо известными Тютчеву и Брюсову, выдающимся знатокам античной истории. Самим своим «появлением» брюсовский «Антоний» уравнивает не только тютчевское стихотворение, но восстанавливает некий исторический баланс сил, задает новое измерение рокового блаженства, где смерть во имя Любви объявляется наивысшим благом.

Стихотворение Брюсова имеет непосредственные поэтологические скрепы со стихотворением Тютчева. Первой такой связкой, на наш взгляд, является заглавие

⁵ Гудзий 1930, 467.

⁶ Lindsay 1936, 65–69.

⁷ Белкин 2002, 133–163.

⁸ Cic. Phil. II, IX, 23; XXI–XXII, 51–55.

⁹ Буассье 1993.

¹⁰ App. B.C., II, 4.

«Антоний», которое не может не отсылать читателя к знаменитому «Цицерону», стихотворению, которое при ближайшем рассмотрении оказывается претекстом брюсовского стихотворения.

Так, в первой части стихотворения Тютчев изображает великого римлянина-оратора, «охваченного чувством темных времен»¹¹. «Прощание с римской славой» происходит на Капитолийском холме, где одинокий и трагический герой созерцает разрушение дорогого его сердцу республиканского строя:

Так!.. но, прощаясь с римской славой,
С Капитолийской высоты
Во всем величье видел *ты*
Закат звезды ее кровавой!..¹²

В подобной скульптурной позе великана застывает и брюсовский Марк Антоний (I строфа):

Ты на закатном небосклоне
Былых, торжественных времен,
Как исполин стоишь, Антоний,
Как яркий, незабвенный сон!¹³

Брюсов как будто использует «историческую раму» тютчевского стихотворения, но меняет главного героя: вместо Цицерона он помещает в неё Антония. Стихи «<...> видел *ты* / *Закат* звезды ее кровавой» Тютчева и «*Ты на закатном небосклоне*» Брюсова объединены и величественным пафосом происходящей катастрофы, и непосредственным обращением к своим героям на «ты». В блестящем разборе брюсовского «Антония» М.Л. Гаспаров указывает на особенности изображения исторического фона: «I строфа – фон совершенно неопределенный, “былые времена”»¹⁴. Однако эти «былые времена» совершенно определены, если помнить о тютчевском стихотворении, – «закат» римской республики.

Кроме того, если говорить о «равновесии частей» брюсовского стихотворения, то, по мысли М.Л. Гаспарова, оно идеально воплощено на различных уровнях композиции, основным принципом которой является «сужение»: «<...> (1) логическое сужение значения, от общего к частному: “страсть” – “любовь”; (2) психологическое сужение значения, от внешнего к внутреннему (интериоризация): “прекрасный” – “надменный”; (3) предметное сужение значения, от неопределенного к конкретному: “борьба за власть” – “битва при Акции”; (4) действенное сужение значения, сосредоточение силы: “поставил” – “бросил”; (5) стилистическое сужение значения (метонимия и синекдоха): “победа” – “лавр”. <...> эти пять разнородных “сужений” в тексте нашего стихотворения, взаимно поддерживая друг друга, совершаются параллельно»¹⁵.

Верный по сути анализ М.Л. Гаспарова не учитывает, однако, композиции тютчевского стихотворения, на которое во многом ориентировано стихотворение Брюсова. «Цицерон» Тютчева включает две самостоятельные замкнутые в себе строфы: в первой дана историческая зарисовка распада римской республики, со-

¹¹ Толстогузов 2004, 101.

¹² Тютчев 1966/1, 36.

¹³ Брюсов 2014/1, 393.

¹⁴ Гаспаров 1997, 34.

¹⁵ Гаспаров 1997, 35.

зерцаемая великим Цицероном; во второй – философское обобщение о «роковом блаженстве» с начальной формулой «Блажен, кто...»¹⁶, испытываемом в момент исторических катаклизмов.

В композиционном отношении Брюсов следует за Тютчевым: первая – историческая часть – эпизод из истории роковой любви Марка Антония и египетской царицы Клеопатры, когда Антоний в битве при Акции за мировое господство бросил свое войско и отправился за своей возлюбленной, войско которой обратилось в бегство:

Когда вершились судьбы мира
Среди вспененных боем струй, –
Венец и пурпур триумвира
Ты променял на поцелуй.

Когда одна черта делила
В веках величье и позор, –
Ты повернул свое кормило,
Чтоб раз взглянуть в желанный взор¹⁷.

Затем, как и в тютчевском стихотворении, историческая конкретика переводится на уровень философского обобщения (VI строфа) с помощью авторитетной и заряженной многими смыслами и аллюзиями формулой «Блажен, кто...»:

Как нимб, Любовь, твое сиянье
Над всеми, кто погиб, любя!
Блажен, кто ведал посмеянье,
И стыд, и гибель – за тебя!

Блаженство по Брюсову – это блаженство муки, блаженство страдания «за» Любовь и смерти «во имя» Неё. Однако, в отличие от двучастной композиции стихотворения Тютчева, брюсовское стихотворение обретает в финале еще одну строфу – личный аккорд, обусловленный особенностью индивидуальной поэтики Брюсова, который «иногда <...> прямо перебрасывал <...> «мостик» от «вечных кумиров» к самому себе»¹⁸:

О, дай мне жребий тот же вынуть,
И в час, когда не кончен бой,
Как беглецу, корабль свой кинуть
Вслед за египетской кормой!¹⁹

Итак, в пространстве русской поэзии два заклятых врага – Цицерон и Марк Антоний – по воле Тютчева и Брюсова вновь занимают антагонистические позиции, но теперь не как идеологические противники, но как художественные образы, воплотившие в себе комплекс представлений о смысле человеческого бытия. Концепция «рокового блаженства» Тютчева, во многом схожая с пушкинской версией «неизъяснимых», гибельных наслаждений («Пир во время чумы»), устанавливает особое условие обретения земного счастья: блажен, кто будет свидетелем

¹⁶ См. подробнее об истории формулы «Блажен, кто...»: Абрамзон 2015а, 369–377; 2015б, 345–351; Abramzon 2015, 657–668; Петров 2011, 342–346; Рудакова 2012, 103–114; Зайцева 2011, 705–710.

¹⁷ Брюсов 2014/1, 393.

¹⁸ Литвин 1983, 489.

¹⁹ Брюсов 2014/1, 393.

лем разрушения мира. И символ такого блаженства – Цицерон, «высоких зрелищ зритель». В свою очередь Брюсов, полемизируя с авторитетным для него поэтом, противопоставляет собственное представление о «роковом блаженстве», согласно которому наивысшим наслаждением является гибель за Любовь. И символ такого блаженства – Марк Антоний, трагически зависимый от Любви.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон, Т.Е. 2015а: «Блажен, кто...» в русской поэзии XVIII XIX вв.: из истории формулы. *ПИФК* 3(49), 369–377.
- Абрамзон, Т.Е. 2015б: «Они звучат, они ликуют» А. Блока: опыт прочтения (к истории одной поэтической формулы). *ПИФК* 4(50), 345–351.
- Белкин, М.В. 2002: Цицерон и Марк Антоний: истоки конфликта. *Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира*. СПб., 133–163.
- Брюсов, В. 2014: *Собрание сочинений*: в 7 т. Т. 1, Т. 6. М.
- Буассье, Г. 1993: *Цицерон и его друзья*. СПб.
- Гаспаров, М.Л. 1997: «Антоний» Брюсова. Равновесие частей. В кн.: *Гаспаров М. Л. Избранные труды. Т. II. О стихах*. М., 33–38.
- Гиришман, М.М. 2007: Рационализм – ораторство – мастерство («Антоний» Брюсова). В кн.: *Гиришман М.М. Литературное произведение: Теория художественной целостности*. М., 223–235.
- Гудзий, Н.К. 1930: Тютчев в поэтической культуре русского символизма. В кн.: *Известия по русскому языку и словесности Академии наук СССР*. Т. III. Кн. 2. Л., 465–549.
- Зайцева, Т.Б. 2011: Концепт «Любовь» в творчестве А.П. Чехова (для антологии «Художественные константы русской литературы»). *ПИФК* 3, 705–710.
- Литвин, Э.С. 1983: Валерий Брюсов. В кн.: А.С. Курилов (отв. ред.), *История русской литературы XI–XX веков: Краткий очерк*. М.
- Петров, А.В. 2011: «Эротико-политические формулы» в торжественных одах 1741–1742 гг. (материалы к словарю одических топосов). *ПИФК* 3, 342–346.
- Рудакова, С.В. 2012: Философия счастья в лирике Е.А. Боратынского. *Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки* 108/4, 103–114.
- Толстогузов, П.Н. 2004: «Цицерон» Тютчева: идеологический контекст и поэтика учительного жанра. В сб.: *Интерпретация литературного и культурного текста: традиция и современность*. Биробиджан, 99–107.
- Тютчев, Ф.И. 1966: *Лирика*: в 2 т. Т.1. М.
- Чулков, Г.И. 1912: Дымный ладан. В кн.: *Покрывало Изиды. Сочинения*. Т. V. СПб.
- Abramzon, T. 2015: Philosophy of happiness in Eighteenth Century Russia. In: *SGEM 2015 Conference Proceedings*. Sofia, 657–668.
- Lindsay, J. 1936: *Marc Antony. His world and his contemporaries*. London.

REFERENCES

- Abramzon, T. 2015: Philosophy of happiness in Eighteenth Century Russia. In: *SGEM 2015 Conference Proceedings*. Sofia, 657–668.
- Abramzon, T.E. 2015a: «Blazhen, kto...» v russkoj poezii XVIII XIX vv.: iz istorii formuly. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* 3(49), 369–377.
- Abramzon, T.E. 2015b: «Oni zvuchat, oni likujut» A. Bloka: opyt prochtenija (k istorii odnoj poeticheskoy formuly). *Problemy istorii, filologii, kul'tury* 4(50), 345–351.
- Belkin, M.V. 2002: Ciceron i Mark Antonij: istoki konflikta. *Mnemon. Issledovanija i publikacii po istorii antichnogo mira*. Saint-Petersburg, 133–163.

- Brjusov, V. 2014: *Sobranie sochinenij*: v 7 t. T. 1, T. 6. Moscow.
- Buass'e, G. 1993: *Ciceron i ego druž'ja*. Saint-Petersburg.
- Chulkov, G.I. 1912: *Dymnyj ladan. V kn.: Pokryvalo Izidy. Sochinenija. T. V*. Saint-Petersburg.
- Gasparov, M.L. 1997: «Antonij» Brjusova. Ravnovesie chastej. In: *Gasparov M. L. Izbrannye trudy. T. II. O stihah*. M., 33–38.
- Girshman, M.M. 2007: Racionalizm – oratorstvo – masterstvo («Antonij» Brjusova). In: *Girshman M.M. Literaturnoe proizvedenie: Teorija hudozhestvennoj celostnosti*. M., 223–235.
- Gudzij, N.K. 1930: *Tjutchev v pojeticheskoj kul'ture russkogo simbolizma*. In: *Izvestija po russkomu jazyku i slovesnosti Akademii nauk SSSR*. T. III. Kn. 2. Leningrad, 465–549.
- Lindsay, J. 1936: *Marc Antony. His world and his contemporaries*. London.
- Litvin, Je.S. 1983: Valerij Brjusov. In: A.S. Kurilov (otv. red.), *Istorija russkoj literatury XI–XX vekov: Kratkij ocherk*. Moscow.
- Petrov, A.V. 2011: «Jerotiko-politicheskie formuly» v torzhestvennyh odah 1741–1742 gg. (materialy k slovarju odicheskikh toposov). *Problemy istorii, filologii, kul'tury* 3, 342–346.
- Rudakova, S.V. 2012: Filosofija schast'ja v lirike E.A. Boratynskogo. *Izvestija Ural'skogo federal'nogo universiteta. Serija 2: Gumanitarnye nauki* 108/4, 103–114.
- Tjutchev, F.I. 1966: *Lirika*: v 2 t. T.1. Moscow.
- Tolstoguzov, P.N. 2004: «Ciceron» Tjutcheva: ideologicheskij kontekst i pojetika uchitel'nogo zhanra. In: *Interpretacija literaturnogo i kul'urnogo teksta: tradicija i sovremenost'*. Birobidzhan, 99–107.
- Zajceva, T.B. 2011: Koncept «Ljubov'» v tvorchestve A.P. Chehova (dlja antologii «Hudozhestvennye konstanty russkoj literatury»). *Problemy istorii, filologii, kul'tury* 3, 705–710.

CICERO AND MARK ANTONY IN A POETIC DIALOGUE BETWEEN F. TYUTCHEV AND V. BRUSOV: THE DEBATE ABOUT BLISS

T.Ye. Abramzon

*Nosov Magnitogorsk State Technical University, Russia,
ate71@mail.ru*

Abstract. The article discusses the dialogic and intertextual problem of literature: the main attention is focused on the comparative analysis of the two Russian iconic poems – “Cicero” (1830) by F. Tyutchev and “Anthony” (1905) by Bryusov.

Tyutchev's attitude of the decisive events and the dramatic “civil wars” during the fall of the Roman Republic was in tune with Russian poets' feelings of the beginning of the 20th century, who foresaw and felt keenly the horror and majesty of the coming changes. The concept of “rock bliss” was especially popular: according Tyutchev a mortal can experience such bliss only at the moment of the tremendous history events like a “spectator” of “high dramas”.

The author of the article argues that Bryusov's poem “Antony” has quite certain poetic connections with Tyutchev's “Cicero”: the key formula of the poems, “Blessed are those who ...”, which displays the texts on the philosophical level is among them. Bryusov enters into a dialogue with the classic poet and writes his own version of “rock bliss”: he highlights the Love as the only worthy object of fatal victim.

Key words: Cicero, Tyutchev, Marc Anthony, Bryusov, dialogism, intertextuality, conceptions of “fatal” bliss